

# ИСТОРИОСОФИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

**А.В. Шестопал, М.В. Силантьева**

**Шестопал Алексей Викторович** — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: kfmgimo@gmail.com

**Силантьева Маргарита Вениаминовна** — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: silvari@mail.ru

Кожокин Е.М. 2020. *Революция и её преодоление: очерки истории российской ментальности*. Москва: МГИМО-Университет. 270 с.



**К**нига известного российского историка Е.М. Кожокина, вышедшая в издательстве МГИМО-Университет, поднимает вопрос о преодолении разрушительных последствий революций XX в. в России. С научно-практической точки зрения сегодня одним из главных «уроков» русских революций — социалистической 1917 г. и либеральной 1991 г. — стало



внимание к вопросу о предотвращении повторений революционных моделей выхода из кризисных ситуаций. При этом для книги Е.М. Кожокина характерно стремление к сопряжению революционных событий с поиском социальных и цивилизационных основ российской ментальности. Опираясь на традиции отечественных мыслителей — в частности, Н.А. Бердяева, — Е.М. Кожокин в своих сочинениях связывает её актуальную динамику с борьбой христианских начал Закона и Благодати, восходящих к

выбору князя Владимира и крещению Киевской Руси; а также с языческими и неоязыческими началами насилия, имеющими корни как в наследии местных дохристианских культур, так и в заимствованных революционных утопиях Нового и Новейшего времени. Особое внимание уделяется в работе полиэтническому и полирелигиозному характеру российской цивилизации.

В период кризиса и человек, и общество нередко обращаются к теме «истоков». И чем глубже кризис, тем интенсивнее запускается процесс конструирования идентичности на основе «апробированных моделей», тем более развёрнуты и рельефны практики коммеморации. Один из самых кризисных веков русской истории — XX — завершился. Но не завершились кризисные процессы, запущенные двумя русскими революциями этого века — 1917 и 1991 гг. (именно так — «революцией» — именуется события 1991 г. в своих трудах Е.М. Кожокин [Кожокин, 2020: 3]<sup>1</sup>). Сопоставляя события столетней и тридцатилетней давности, он пишет: «В изучении революций всегда доминирует проблематика того, что револю-

<sup>1</sup> Революцией называет события 1991 г. в России и английский историк Ричард Саква [Саква, 2019: 10].

ции изменили. Гораздо реже в фокусе исследовательских интересов оказываются вопросы о том, что революциям изменить не удалось» [Кожокин, 2020: 4].

Сочетанию изменений и того, что осталось «неизменным» в истории российской культуры, во многом посвящены две последние книги Е.М. Кожокина: «Князь Владимир, сын Святослава: хроника жизни и смерти» (Кожокин Е.М. 2017. *Князь Владимир, сын Святослава: хроника жизни и смерти*. Москва: МГИМО-Университет. 156 с.) и уже упомянутая «Революция и ее преодоление: очерки истории российской ментальности». Книги очень разные и по предмету исследования, и по стилистике. И вместе с тем, очень схожие по эмоционально-личностному отношению автора к описываемым событиям. Ведь Е.М. Кожокин — участник исторических событий начала 1990-х гг., депутат последнего созыва Верховного Совета РСФСР, затем Российской Федерации, в октябре 1993 г. стремившийся (увы, безуспешно) предотвратить открытое столкновение Президента и парламента. Однако не менее важно, что автор — писатель, киносценарист и кинорежиссёр, стремящийся силой воображения преодолеть тысячелетние расстояния, как бы становясь свидетелем событий времён Киевской Руси и князя Владимира.

Вслед за мыслителями эпохи первых русских революций начала XX в., Е.М. Кожокин полагает, что выбор князя Владимира — это прежде всего выбор между сводом языческих богов, хазарским иудаизмом, исламом и христианством, выбор между культом силы — «законничеством» — и благодатью. Христианство с этого момента начинает «работать» как идеология, причём не секрет, что на судьбоносный выбор «огромное влияние оказали связи Древней Руси с передовой цивилизацией тогдашнего мира — Византией и принятие от нее христианства... С принятием христианства древнее понятие правды сливается с верой» [Торкунов, 2017: 15-16]. В российской историографии со времён как минимум и О.В. Ключевского считается, что выбор князя Владимира стал ключевым событием, определившим ход

русской истории. С подачи Н.А. Бердяева почти хрестоматийной стала мысль об эволюции идеологии христианства, совмещённой с концепцией «Третьего Рима», при всех последующих переходах российской истории — от Киевской Руси к Московскому царству, Российской империи, Советскому Союзу и, наконец, к Российской Федерации.

Адаптированная к потребностям государственного строительства, христианская идеология привносит сюда эмоционально окрашенный компонент, очеловечивает схематизм организационно-административных связей. На этой основе складываются жизнеспособные идентификационные коды, определяющие жизненный выбор человека и народа, их путь и судьбу, то есть задающие программу социального поведения. Логика принятия этих программ такова: пока мы следуем нашему выбору, даже неосознанно, даже сопротивляясь, мы остаемся самими собой; возвращаясь к князю Владимиру, к его выбору, мы, как блудные дети, возвращаемся к Отцу, возвращаемся к самим себе, к лучшему, что есть в нас.

Подобное перекрестье идеологии и исповедальности определило, по мнению автора книги, не только путь государственного строительства, но и, парадоксальным образом, *отступления* от этого пути. Одно из самых крупных отступлений такого рода связано с искушением революцией, то есть Утопией в разных её формах. Автор ссылается на мысль Н.А. Бердяева, высказанную в книге «Истоки и смысл русского коммунизма»: «... самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 г., и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием... Коммунизм оказался не-

отвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [Бердяев, 1990: 93]. Эту цитату Е.М. Кожокин ставит эпиграфом к своей книге о революции.

Автор ряда фундаментальных трудов, посвященных французской революции XVIII в. [Кожокин, 1985; Кожокин, 1989; Кожокин, 2005], Е.М. Кожокин подробно исследует влияние французской революции на российскую политическую ментальность: от отзвука революционных идей европейского Просвещения в российском масонстве до проектов будущих декабристов и далее до якобинской символики большевиков: «В 1917 г., в дооктябрьские месяцы, Ленин постоянно обращался к понятиям и образам Великой французской революции. Он писал о Советах, а представлял их по образу Конвента, органа якобинской диктатуры, и законодательствовавшего, и претворявшего в жизнь принятые законы. Никогда ни до, ни после 1917 г. Ленин так настойчиво не отождествлял большевиков и якобинцев» [Кожокин, 2020: 105]. И всюду — от Радищева и Пестеля до Ленина — сквозь рационализм европейской революционаристской утопии проглядывает русский бунт — «бесмысленный и беспощадный» (А.С. Пушкин), языческое и неязыческое насилие, как определяет этот феномен Е.М. Кожокин. Насилие, противостоящее «выбору князя Владимира».

\* \* \*

Движение российской ментальности к революции 1917 г. и в последующий период Е.М. Кожокин рассматривает через трансформацию известной уваровской триады «Православие, Самодержавие, Народность»<sup>2</sup>.

Он поддерживает точку зрения, согласно которой сильнейший удар по православию в России нанес церковный раскол XVII в., во многом предопределивший и беззащитность Церкви перед бюрократи-

ей, и падение религиозности, как в дворянской элите, так и в крестьянских (а потом рабоче-крестьянских) массах. В третьину, образовавшуюся между культурой «верхов» и культурой «низов» общества, хлынул поток утопий, в том числе революционных.

При этом в глубине души русский человек по-прежнему оставался верующим. Об этом лучше всего свидетельствуют семейные истории, которые за последние десятилетия всплывают на поверхность, восполняя, исправляя профессиональные исследования «Большой истории». Так, Е.М. Кожокин пишет: «Семья моей матери Кожокиной Зои Васильевны (1929 г. рождения) ведет свою родословную от крестьян богатого монастырского села в излучине реки Нерль, расположенного между Владимиром и Суздалем. В этом селе по названию Мордыш до революции стояла над рекой красивая церковь с высокой колокольней. Об отношении к местному священнику моя мать знает по отзывам прежде всего своей матери Кожокиной Анны Федоровны (в девичестве Печенкиной) и бабушки по материнской же линии Евфросинии Васильевны Печенкиной (в девичестве Луневой). Священника в селе не особо уважали. Бывало, что рассказывали незатейливые, не особо пристойные байки как про попа, так и про монашенок. В ближайшем Суздале было несколько женских монастырей. В то же время после революции в селе жила женщина, всегда одетая в длинное темное платье, которую звали «бабенька суздальская». Про неё говорили, что она ранее была монашенкой и ходила за тифозными больными в суздальской больнице. В церкви она торговала просвирами, а детишкам их отдавала бесплатно. Ни Анна Федоровна Кожокина, ни ее мать Евфросиния Васильевна в церковь не ходили, но своих близких перед расставаньем всегда во след крестили. Общение с Богом было для них делом сугу-

<sup>2</sup> С.С. Уваров (1786-1855) — дипломат, учёный и государственный деятель. Консерватор, сторонник взглядов Н.М. Карамзина на историю России. Отводил России ведущую роль как посреднице между Востоком и Западом. К сожалению, труды С.С. Уварова на ниве русского образования и просвещения были во многом опознены как его противниками, так и сторонниками.

бо непубличным, очень значимым и очень личным» [Кожокин, 2020: 162]. Именно это непубличное, очень значимое и очень личное выплеснулось в подвиге новомученичества в годы торжества социалистической утопии в Советской России и привело к чуду «Второго крещения Руси» уже в годы торжества либеральной утопии в России конца XX в.

В свою очередь, идеологическое двуединство православия и самодержавия выражалось в том, что «в народном сознании Бог и государь (царь, император) находились в глубочайшей связке. Само существование России, Руси было немыслимо без Бога и без царя» [Кожокин, 2020: 152]. При этом со времен петровских реформ идее богоданного царя сопутствовала утопия просвещенного абсолютизма, причудливо трансформировавшаяся со временем в идею революционного вождизма, характерную для радикальных революционных утопий. «...Монархизм в превращенной форме готовности подчиниться, и даже беспрекословно подчиниться, вождю, как главному «нигилисту-утописту» в сознании и подсознании интеллигенции имплицитно присутствовал» [Кожокин, 2020: 150]. Против самодержавного государства успешно могла бороться «только вождистская партия». Именно в такую партию на очень раннем этапе своего развития превратилась партия большевиков [Кожокин, 2017а: 120]. Е.М. Кожокин последовательно анализирует трансформацию самодержавной идеи в образах вождей победившей революции — Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева; показывает её распад в образе Горбачёва, в котором «поражает сочетание навыков опытного аппаратчика и устремлений наивного интеллигента» [Кожокин, 2020: 253]. И в этот же советский период монархизму правящей бюрократии сопутствует и противостоит вождизм оппозиции, диссидентства.

Затем колесо российской истории поворачивается на 180 (а потом оказывается, на 360) градусов. И вот уже «...чья-то

безвестная рука начертала весной 1991 г. на парапете Москвы-реки прямо напротив Белого дома, огромными белыми буквами: «Не бывать Бориске на царстве» [Кожокин, 2020: 200]. А молодой народный депутат Е.М. Кожокин, столкнувшись с аппаратным обиходом вокруг Ельцина даже в ту пору, когда он только что был избран Председателем Верховного Совета РСФСР, «был поражен приемами в духе царского двора. Некоторые мои коллеги депутаты из близкого окружения Ельцина мне живо напомнили шустрых подьячих, а не свободно избранных представителей народа» [Кожокин, 2020: 200].

Императивом и мерилom достижений российского общества является для Е.М. Кожокина «обретение нами республики<sup>3</sup>, то есть государства ответственных, солидарных, инициативных граждан, республики как общего дела» [Кожокин, 2020: 203]. Он полагает, что в постепенном движении к реформированию нашей политической культуры, вероятно, найдет своё место и обновление православия: «Этот вопрос имеет непосредственное отношение к проблематике устойчивости российских политических институтов, так как и в настоящее время православие, православная церковь — одна из существеннейших основ нашей российской цивилизации. И в ней нуждаются все граждане Российской Федерации, российской республики, в том числе атеисты, мусульмане, буддисты, иудеи, баптисты. Но эта основа должна быть меняющейся, динамичной, иначе она будет хиреть и не сможет выполнять свою функцию основы. Так уже было в 1917 г.» [Кожокин, 2020: 202].

Интересно сопоставить размышления Е.М. Кожокина с размышлениями одного из видных представителей поколения «восьмидесятников» Алексея Михайловича Салмина (1951-2005), также весьма активного участника общественно-политической жизни 1980-1990-х гг. (он был членом Президентского Совета, руководителем Российского общественно-по-

<sup>3</sup> «Юридически Россия стала республикой 1 сентября 1917 г. Но эта форма была юридической фикцией. Понимание того, что республика — это общее дело, «respublica», не было ни у правящего класса, ни у простых людей [Кожокин, 2020: 199].

литического центра, главным редактором журнала «Полития» и т.д.). В конце 1980-х гг. Алексей Салмин увлекался идеей традиционного парламентаризма, многопартийности, коалиционных соглашений и сменяющих друг друга правительств. Впоследствии он пришел к выводу, что «гражданское — самодеятельное и ответственное — общество в России может строиться только вокруг Церкви и что в строительстве такого общества особая роль принадлежит диалогу Церкви и университета. Эту идею он воплотил в инициативной группе по созданию православной общины при МГИМО, став её председателем в последний год своей жизни» [Шестопа́л, 2016: 39-44].

Другой идеей А.М. Салмина, неоднократно озвученной им в беседах с коллегами и учениками, была мысль о том, что Президент России не может быть «президентом-менеджером»; он должен быть гарантом Закона (с большой буквы) и духовным лидером общества.

Третья составная часть уваровской триады — народность — исторически сложилась под влиянием европейского (прежде всего немецкого) романтизма; но вскоре после своей официальной декларации была переосмыслена в духе своеобразия русского характера, русской истории и русской культуры. При этом отношение к отечественной истории и культуре в российской революционной ментальности неоднократно менялось: от «сбрасывания с парохода современности» или сведения к истории бунтов и восстаний в первые послереволюционные годы до избирательной гиперболизации роли отдельных исторических фигур и эпох (Александр Невский, Пётр Первый и др.) уже в предвоенные годы и особенно в период Великой Отечественной войны.

С конца 1980-х гг. «качели» исторической памяти часто уходили в сторону от коммеморативных практик в их критическую интерпретацию, что нередко воспринималось общественным сознанием как «разрушение устоев» (возможно, именно так и обстояло дело) [Сафронова, 2018]. Правда, и сама критическая интерпретация далеко не всегда имела отношение к

научному анализу прошлого, становясь попыткой создания деструктивных мифов, направленных в сторону идеологизации и политизации общественного сознания, т.е. в сторону, «нужную» тем или иным группам. В мифах этого типа прослеживается стремление не осмыслить, а перечеркнуть тот или иной период отечественной истории, «перековать» (а если надо — и интеллектуально «зачистить») неугодных людей, неугодное мнение или неугодное время (например, огульно отрицая весь советский период). Такой подход характерен для ангажированных идеологов — той части российской интеллигенции, которую ещё Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков называли «интеллигентщиной», а А.И. Солженицын «образованщиной», и которую отличает глубокое презрение к народу, наряду с желанием его радикальным образом «исправить» — «просветить», перевоспитав на свой лад. Не следует, конечно, путать проекты подобного «просвещения» с реальным развитием технологий, науки и образования: речь в данном случае идёт только об идеологическом сопровождении тех или иных инноваций (включая политические и культурные), а не об их сути. В своё время Н.А. Бердяев возразил критикам, корившим его за приверженность приходу Трёхсвятской церкви в Париже, оставшейся в ведении Московского Патриархата: «Церковь не может уехать в эмиграцию». Однако, как показывают данные антропологии, подтвержденные в том числе исследованием Е.М. Кожокина, ценности — это не только идеология; хотя идеологию при этом не следует игнорировать. Добавим: а ценности культуры, включая религиозный выбор, — тем более.

Нигилистическому отрицанию советской эпохи в политической культуре современной России был положен решительный предел выступлением Президента России на Валдайском форуме в сентябре 2013 г., ставшим символическим воплощением твердого идеологического курса, поддерживаемого руководством страны. В своей речи В.В. Путин чётко сказал, что политика России будет опираться на её традиционные ценности: «Без ценностей, заложенных в христианстве и

других мировых религиях, без сформировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство. И мы считаем естественным и правильным эти ценности отстаивать. Нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение...

Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве»<sup>4</sup>.

Отметим: в трудах Е.М. Кожокина «народность» рассматривается именно с позиции многообразия, в единстве и динамике сложных социокультурных процессов. Полемизируя с ленинским определением Российской империи как «тюрьмы народов», Е.М. Кожокин показывает, что со времен князя Владимира «имелась многовековая традиция сосуществования, можно даже сказать более эмоционально, сожития русских с другими этносами. Финно-угорские, а затем и тюркские народы в Московском царстве, а затем в Российской империи сохраняли свои языки, особенности своей культуры. Другие не означало чужие» [Кожокин, 2020: 48]. Особое значение в этой связи для современной ситуации имеют труды Е.М. Кожокина, посвященные крымско-татарскому народу и такой крупной фигуре, как Исмаил Гаспринский — оригинальный мыслитель, общественный деятель и просветитель, человек неизменно лояльный по отноше-

нию к российской монархии. Размышляя о положении мусульманских народов в России, Исмаил Гаспринский писал: «Где та идея, которая воодушевляет и служит источником отношений и регулятором действий русской власти в отношении русского мусульманства? ... По доступным нам наблюдениям на обширном по времени и пространству поле деятельности русской власти мы усматриваем лишь одно хорошее деяние, достойное великой миссии, — это уничтожение рабства там, куда проникла эта власть» [Кожокин, 2020: 170].

\* \* \*

В размышлениях Е.М. Кожокина о русской революции незримо присутствуют три собеседника (двум из которых он посвятил отдельные главы) — учитель Евгения Михайловича, известный историк Михаил Яковлевич Гефтер, выдающийся писатель Александр Исаевич Солженицын и Николай Александрович Бердяев. Отметим: все трое в молодости прошли через увлечение революционными идеями. Все трое это увлечение преодолели.

Пути преодоления революции каждым из них разнятся, в определенном смысле дополняя друг друга. Путь М.Я. Гефтера — путь «новой гуманистической утопии «Мира миров», «сообщества людей», «сохраняющих и взращивающих свою самобытность, но признающих и принимающих существование других и готовых к взаимодействию с другими» [Кожокин, 2020: 247]. Важно отметить, что труды М.Я. Гефтера во многом повлияли на становление «нового политического мышления» в эпоху «перестройки» 1980-х гг. Среди причин истощения её революционного импульса можно назвать не только политические просчеты руководителей СССР, но и в целом истощение в современной культуре импульса утопического сознания<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Путин В.В. 2013. *Выступление на заседании клуба «Валдай»*. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19.Stenogramma-site.html> (дата обращения: 19.03.2020).

<sup>6</sup> Что, впрочем, не означало исчезновения гуманистических утопий и гуманистических движений. Диалог с ними необходим для объединения усилий по ненасильственному выходу из кризисных ситуаций на национальном, региональном и мировом уровнях.

Путь А.И. Солженицына — путь религиозного возрождения и создания гражданского общества в России, опирающийся на традиции земства и «соборности». «Вектор солженицынских ударов был направлен против советского социализма, а не против российской государственности. Но в этом плане его философия трагически не коррелировалась с реальностью. Российская государственность с 1917 по 1991 гг. была реализована в виде советского социализма. Задачу, как трансформировать социалистическую систему в иной вид государственного управления, не разрушив само управление, не удавалось сформулировать в рамках диссидентских парадигм» [Кожокин, 2020: 231].

Путь Н.А. Бердяева — путь преодоления рабства у мира, государства и самого себя, путь соборного духовного усилия человека. «Грядущий мировой эон», о которым рассуждает философ, рождается вместе с «антроподицеей», «оправданием» человека, которое возможно только через его преобразование в творчестве, в том

числе — и социальном. Такое творчество может и должно преобразить общество, превратив пустую абстракцию «народа» в осмысленное и свободное единство личностей. Впрочем, такой подход тоже достаточно легко идеологизируется, — например, если подставить в эту формулу понятие «индивидуальность» («часть целого») вместо понятия «личность».

Угрожает ли России новая революция? Ответ на этот вопрос, по мнению Е.М. Кожокина, «требует от нас прежде всего веры в себя... В условиях невероятно тяжелого и длительного противостояния нам как никогда необходимо понимание наших особенностей как нации, изъянов в нашем психологическом укладе, изъянов, которые могут оказаться для нас роковыми в период тяжелых испытаний» [Кожокин, 2020: 6-7]. Добросовестное научное исследование противоречивых культурных особенностей страны, в которой мы живём, в таком случае выходит на передний план не только научно-теоретических, но практических и даже прикладных задач.

---

## HISTORIOSOPHY OF THE RUSSIAN REVOLUTION AS A CULTURAL PHENOMENON

A.V. Shestopal, M.V. Silantyeva

**Aleksey V. Shestopal** — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: kfmgimo@gmail.com

**Margarita V. Silantyeva** — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: silvari@mail.ru

---

**Book review:** Kozhokin E.M. 2020. *Revoliutsiia i ee preodolenie: ocherki istorii rossiiskoi mental'nosti* [The revolution and its overcoming: essays on the history of Russian mentality]. Moscow: MGIMO-Universitet. 270 p. (in Russian).

---

### References:

Berdiaev N.A. 1990. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka. 224 p. (In Russian).

Kozhokin E.M. 1989. *Gosudarstvo i narod: ot Frondy do Velikoi frantsuzskoi revoliutsii* [State and people: from the Front to the Great French Revolution]. Moscow: Nauka. 176 p. (In Russian).

Kozhokin E.M. 2017a. *Zakonchilas' li Velikaia russkaia revoliutsiia?* [Has the Great Russian Revolution ended?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. № 6. P. 109-124 (In Russian).

Kozhokin E.M. 2005. *Istoriia bednogo kapitalizma. Frantsiia XVIII- pervoi poloviny XIX veka* [A History of Poor Capitalism. France XVIII - the first half of the XIX century]. Moscow: ROSSPEN. 368 p. (In Russian).

Kozhokin E.M. 2017b. *Kniaz' Vladimir, syn Sviatoslava: khronika zhizni i smerti* [Prince Vladimir, son of Svyatoslav: a chronicle of life and death]. Moscow: MGIMO-Universitet. 156 p. (In Russian).

Kozhokin E.M. 2020. *Revoliutsiia i ee preodolenie: ocherki istorii rossiiskoi mental'nosti* [The revolution and its overcoming: essays on the history of Russian mentality]. Moscow: MGIMO-Universitet. 270 p. (In Russian).

Kozhokin E.M. 1985. *Frantsuzskie rabochie: ot Velikoi frantsuzskoi revoliutsii do revoliutsii 1848 goda* [French workers: from the French Revolution to the 1848 revolution]. Moscow: Izd-vo MGU. 240 p. (In Russian).

Sakva R. 2019. *Sud'by Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Izd-vo MGU. 253 p. (In Russian).

Safronova Iu.A. 2018. *Tret'ia volna memory studies: dvadtsat' tri goda protiv shersti* [Third wave of memory studies: twenty-three years against wool]. *Politicheskaiia nauka*. № 3. P. 12-27 (In Russian).

Torkunov A.V. 2017. *Po doroge v budushchee – 2.5* [On the way to the future - 2.5]. Moscow: Aspekt-press. 648 p. (In Russian).

Shestopal A.V. 2016. *MGIMO: litsa i pokoleniia* [MGIMO: faces and generations]. Moscow: MGIMO-Universitet. 200 p. (In Russian).

### Список литературы на русском языке:

Бердяев Н.А. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука. 224 с.

Кожокин Е.М. 1989. *Государство и народ: от Фронды до Великой французской революции*. Москва: Наука. 176 с.

Кожокин Е.М. 2017а. Закончилась ли Великая русская революция? *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 109-124.

Кожокин Е.М. 2005. *История бедного капитализма. Франция XVIII- первой половины XIX века*. Москва: РОССПЭН. 368 с.

Кожокин Е.М. 2017б. *Князь Владимир, сын Святослава: хроника жизни и смерти*. Москва: МГИМО-Университет. 156 с.

Кожокин Е.М. 2020. *Революция и её преодоление: очерки истории российской ментальности*. Москва: МГИМО-Университет. 270 с.

Кожокин Е.М. 1985. *Французские рабочие: от Великой французской революции до революции 1848 года*. Москва: Изд-во МГУ. 240 с.

Саква Р. 2019. *Судьбы России*. Москва: Изд-во МГУ. 253 с.

Сафронова Ю.А. 2018. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*. № 3. С. 12-27.

Торкунов А.В. 2017. *По дороге в будущее – 2.5*. Москва: Аспект-пресс. 648 с.

Шестопал А.В. 2016. *МГИМО: лица и поколения*. Москва: МГИМО-Университет. 200 с.